

Лёля Т.

ИСТОРИИ МАКСА. МОСКВА

с картинками Ани Ёж

Лёля Т.

Истории Макса. Москва

«Издательские решения»

Т. Л.

Истории Макса. Москва / Л. Т. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747753-0

Если в доме есть библиотека, то рано или поздно в ней заведутся мыши. Если в ней заведутся мыши, то придётся завести и кота. Если в доме есть дети, они обязательно подружатся. А где дружба — там озорные проделки и невероятные приключения. И даже если будет страшно и опасно, мы-то знаем, что с таким умным и храбрым другом, как кот Макс, ни за что не пропадёшь. Эта книга — результат озорства и баловства автора из желания поразвлечь сестру свою Мышь. Все персонажи вымышленные, кроме Макса.

ISBN 978-5-44-747753-0

© Т. Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая, в которой мы знакомимся с Кристиной, а Кристина знакомится с Микки.	6
Глава вторая, в которой Кристина спасает творческое наследие русских писателей	10
Глава третья, в которой Кристина узнаёт тайну	16
Глава четвёртая, в которой Микки читает дневник няни Сони, а сама няня попадает в неприятности	21
Глава пятая, в которой Одиллия Карловна видит призраки прошлого, а Микки составляет коварный план	27
Глава шестая, в которой Кристина и Боря испытывают часы, а Микки попадает в капкан времени	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Истории Макса. Москва с картинками Ани Ёж Лёля Т.

Моему сыну Мишке, самому любимому на свете. Моим маме и папе, лучшим в мире. Моим дорогим Белкиным, неиссякаемому источнику этой и многих других безумных движух.

© Лёля Т., 2016

© Анна Сергеевна Петрущенко, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая, в которой мы знакомимся с Кристиной, а Кристина знакомится с Микки.

Солнечный луч прокрался по подоконнику и тихо добрался до подушки, Кристина проснулась. Не хотелось вылезать из тёплой постельки, и девочка решила подождать, пока взрослые придут, чтобы разбудить её. Мама... где же она? Когда придёт? Её так давно уже нет. Сколько? Неделю? Месяц? Кристина невольно нахмурилась.

За чуть приоткрытой дверью звучали голоса. Девочка закрыла глаза и прислушалась.

– Не знаю. Никаких новостей. Никаких версий. Ничего, – это папа.

– Боже мой! Боже мой! – ответил незнакомый тихий женский голос. – Как же ребёнок? Как же наша девочка?

– Держится. Скучает, конечно. Спрашивает постоянно. Не знаю уже, что ей сказать.

– Ну, а полиция? Есть какие-то предположения?

– Ничего. Абсолютно пусто. Я сам обошёл все больницы, все морги. Отец Насти, само собой, поднял все связи: и в армии, и в ФСБ. Ориентировки разосланы везде. Детектива нанял, он бывший следователь убийного отдела, всё впустую. Сказал, такое чувство, будто она прямо в квартире растворилась. И ведь, правда, Настя никуда не должна была выйти, Кристину из садика в этот день забирала няня, а мы должны были пойти в гости. Да и часы...

– Какие часы?

– Ну, её наручные. От бабушки достались, или что-то в этом духе. Настя никогда их не снимала, только перед сном или в ванной. А тут... Часы на тумбочке прикроватной, а её нет. И все туфли на месте. Босиком она что ли ушла? Чертовщина какая-то... Один придурок, из полицейских, мне говорит: «Может, она просто ушла от тебя?» Я ему: «С чего бы? Я её любил, она меня, у нас семья, дочь...» А он мне: «Посмотри на себя и посмотри на неё. Она красавица, каких поискать. Лицо – как с картины, фигура – как у богини. А ты кто? Инженер обычный! Увёз её какой-нибудь олигарх, на яхте катает». Чуть не врезал ему, гаду. Может, я и не знал чего-то, но уж точно дочку бы Настя не бросила.

«И-и-и-и», – вдруг раздался тоненький протяжный звук. – «М-и-и»

– Ой ты, Бог ты мой! – всплеснула руками женщина, – я же Крестюше подарочек привезла! Таможня из меня всю душу за него вынула!

– И он пищит?! – удивился папа.

Кристина выскочила из постели и побежала в гостиную. На диване сидел папа, а в кресле напротив него – какая-то женщина.

– Здравствуйте! – сказала Кристина и замерла, немного смутившись от присутствия незнакомки.

– Здравствуй, моя девочка! Ах, какая же ты выросла большая, какая же красавица! Совсем забыла бабушку, ведь я тебя последний раз видела вот такой крошечкой. Ну, иди же ко мне, я тебя обниму скорей! – с этими словами старушка встала и заключила внучку в объятия.

На бабушке был тёплый кашемировый кардиган, весь пропитавшийся смесью цветочных духов и валерианы с мятой, и от её объятий сразу стало как-то тепло и спокойно.

Бабушка пересела на диван и маленькую Кристину усадила между собой и папой, прижимая к себе и глядя по голове.

– Так что ты там привезла? – вернулся к теме отец.

– Ах, да! Ах, да! Совсем я забыла! Вот голова стала дырявая! – засмеялась бабушка и достала из объёмной сумки картонную шляпную коробку. В крышке коробки были криво и неумело проделаны несколько отверстий.

– Вот, Кристиночка, привезла тебе маленький подарочек, – бабушка сняла крышку.
В коробке на обрывке одеяла сидел крошечный серый котёнок и пищал тонко-тонко:

– И-и-и-и.

Кристина от радости и волнения даже запрыгала на месте:

– Это мне?! Это, правда, мне?

– Тебе, моя девочка, тебе, моя лапочка! – ласково сказала бабушка. – Вот, держи его аккуратно. Такой тебе будет дружок хороший. Видишь, какой пушистый? А ушки маленькие, головка кругленькая. Это порода такая, британская.

– Мама! – простонал папа и закатил глаза. – Ну, мне только кота сейчас не хватало!

– А что такое? – притворно удивилась бабушка – Кристиночка уже у нас большая девочка, ответственная, сама будет о котёнке заботиться, да, внученька?

– Да, бабушка! – радостно вскричала Кристина. – Я всё буду делать сама: и кормить, и убирать! Спасибо-спасибо-спасибо! – девочка несколько раз чмокнула старушку в щёку, и, трепетно держа котёнка в ладонях и прижимая его к груди, побежала к себе в комнату.

– Серёжа! – сказала бабушка уже серьёзно. – Девочке, правда, нужен питомец. Нужно отвлечься от всего этого, к тому же, тебя часто нет дома.

– В том-то и дело! – со вздохом сказал папа, – ну, кто будет смотреть за этим котом? Меня отправляют в командировку в Финляндию, там строится новый горно-обогатительный комбинат, а это минимум на полгода. Я не знаю, что мне с ребёнком-то делать, а тут зверь. Забрать Кристину с собой? Чужая страна, чужой язык, никакой помощи! У неё и так хватает переживаний из-за матери, а ещё и переезд. Уволиться, что ли, к чёрту?

– Сергей! – бабушка строго посмотрела на сына, – и думать не смей! Во-первых, есть няня Соня, во-вторых, в конце концов, я могу вернуться в Москву. Может, я уже не так энергична, как в молодости, но с пятилетней девочкой справиться в состоянии.

– Не пойдёт, – покачал головой Сергей, – тебе нужно присматривать за Пра.

– И то правда, – огорчилась бабушка. – Маму сейчас никак не перевезти.

Сергей замолчал, изучая завитки на обоях. Тоска и тревога сжимала его сердце: где сейчас Настя, жива ли, что делать с работой, как устроить Кристину?

Бабушка тоже притихла.

– Вот что, – энергично произнесла Амалия Ивановна, пережившая всякое и не привыкшая падать духом. – Пра сейчас в Бад Гаштайне, принимает радоновые ванны под надзором медперсонала. Я договорюсь, чтобы она осталась там ещё на месяц, и проведу это время с внучкой, потом меня сменит Соня, буду прилетать при первой же возможности. Езжай с Богом, мы тут без тебя разберёмся.

– Пра не лишит тебя наследства за то, что ты её сошлешь на целый месяц? – печально улыбнулся папа.

– О, не смей меня! – улыбнулась бабушка. – Наверняка у неё уже бурный роман с каким-нибудь остеохондрозником.

– Опасно недооценивать Пра, – Сергей наконец рассмеялся, – там ещё водятся молоденькие сноубордисты.

Кристина сделала из пледа гнездо и уложила туда котёнка, нежно глядя его мягкую спинку и маленькие ушки.

– Ах ты, мой крошечка! Ах ты, мой маленький! Какой же ты мягонький!

– И-и-и-и, – пищал котёнок.

– Как же тебя назвать? Барсик? Нет, не подходит.

– И-и-и-и, – ответил котёнок.

– Ты же не котёнок, ты мышонок! Такой серенький и так тоненько пищишь, как мышка, – тут Кристина взглянула на свою пижамку, купленную папой для неё в Диснейленде. На пижамных штанишках был узор из голов Минни Маус с красным бантиком. – Точно! Я назову тебя Микки! Мой маленький Микки Маус, у тебя голосок точь-в-точь как у него.

– Клупость какой! – вдруг отчётливо пропищал котёнок.

Кристина вздрогнула и удивлённо уставилась на Микки.

– Ты... ты что это, говоришь?!

– Мильх, коворю, дафай, – пискнул котёнок, – йогурт, на худой конец. А то сидит тут, турацкие клички притумывает.

– Папа! – закричала Кристина и бросилась вон из комнаты. – Папа! Котёнок говорящий!

– И что же он говорит? – поднял бровь отец, который успел переместиться на кухню вместе с бабушкой и пил чай, – не о политике рассуждает, надеюсь? Терпеть не могу разговоров о политике за столом.

– Папа, не смейся! Это правда! Я сама слышала. Он сказал: «Дай мне молочка или йогурта, на худой конец»!

Бабушка ласково улыбнулась, достала из холодильника пакет молока, а из буфета блюдечко:

– Ну, неси сюда своего кота говорящего, будем его кормить.

Когда Микки удовлетворенно зачавкал над своим блюдцем, бабушка обняла Кристину:

– Наверное, ты у меня сказочная принцесса. Ведь только принцессы из сказки могут понимать язык зверей и птиц.

– Бабушка, милая! Ты ведь поживёшь с нами ещё?

– Поживу, девочка моя, поживу. А летом ты поедешь ко мне в Вену. Хочешь? Будем гулять с тобой целыми днями, и я куплю тебе самый вкусный Захер во всей Австрии, да?

– Да, бабушка, – ответила Кристина и прижалась к старушке. Впервые за долгое время с того дня, когда мамы вдруг не оказалось дома, а потом пришли полицейские и долго всех расспрашивали, и было страшно, и грустно, и хотелось плакать, впервые с тех пор Кристине стало спокойно и радостно на душе.

– А папу мы отпустим поработать в Финляндию, да, милая? Мы ведь сильные девочки, и сами тут проживём. Ты да я, да тётя Соня...

– Да Микки! – весело подтвердила Кристина. – Я так котёнка назвала. Микки, как Микки Маус!

Микки Маус лежал возле блюдца кверху брюхом и тихонько икал. Блюдце было вылизано до дна.

Глава вторая, в которой Кристина спасает творческое наследие русских писателей

4 года спустя.

– Вообрази, дорогая! – хитро прищурившись, полушёпотом говорила старушка Одиллия Карловна своей сестре Одетте. Пожилые дамы, одетые в кашемировые пальто пастельных тонов и кокетливые фетровые шляпки, сидели на скамеечке у подъезда с таким видом, словно бы присутствовали на балу у княгини в позапрошлом веке. Было начало октября, и они наслаждались последними тёплыми и сухими осенними деньками. – Нет, только вообрази. Веду вчера класс, и только отвлеклась на эту Кулькову... mon dieu! И куда только смотрят её родители? Они что, питают иллюзию, что она станет балериной?! Нет, я вас умоляю! Я заклинаю вас! Да слепому ясно, что она быстрее научится доить корову (что, к слову, очень ей пойдет), чем будет ставить ноги хоть сколько-нибудь приемлемо...

– Прекрати немедленно! – оборвала сестру Одетта, – как ты можешь так говорить о ребёнке? Ты в конце концов ведёшь класс в районной школе искусств, а не в Академии Вагановой! Ну, будет у Кульковой приличная осанка, и довольно. Большинство из твоих учениц никогда не будет иметь отношения к искусству. Так что с того? Делай свое дело и будь довольна.

– Хмм, – обиженно поджала губы Одиллия, – если я через десять лет добьюсь от Кульковой осанки, на которую люди будут смотреть и не падать в обморок, что ж, пусть поставят мне скромный памятник в бронзе на Красной площади, и я буду довольна. Но дело не в этом, – тут лицо Одиллии Карловны вновь приобрело такое выражение, какое бывает у мальчишки, задумавшего шалость, – вообрази! Только я отвлеклась на противную Кулькову, как слышу за моей спиной хихиканье. Ну, думаю, погодите, маленькие лентяйки! Я вам сейчас покажу, как смешно бывает во время урока! И вижу в зеркале, как пти-Мишель...

– Наша Мишель? Белкин? – перебила Одетта.

– Да, наша Мишель делает бе-зу-пречный гран-плие и одновременно довольно точно изображает Гроссмана, нового концертмейстера. Старый дурак уже настолько плох, что засыпает за роялем, продолжая играть. При этом выпячивает нижнюю губу и довольно смешно всхрапывает, чем будит сам себя. Где только Муза Васильевна его откопала? И ведь не реагирует на замечания: начну ему выговаривать, он только губами жуёт, как верблюд. Немой он, что ли? Нет, ты вообрази! И маленькая нахалка его копирует, да до того точно... – Одиллия залилась совершенно детским смехом.

– Боже мой! – покачала головой Одетта, – и что же ты сделала?

– Наказала, конечно, чертовку! Оставила дополнительно у станка, но, по-моему, она не слишком расстроилась. Ну, и потом я потихоньку насыпала ей в карман конфет после класса.

Одетта рассмеялась:

– Девочка серьёзно танцует, а ты приучаешь её к сладкому! Но ты права, решительно невозможно на неё сердиться.

– О, за это не беспокойся! У Белкиных столько детей, что Мишель, вряд ли, успеет съесть хоть одну! Попомни меня, сестра! Вот кто будет танцевать, кому будет рукоплескать Большой театр! И отчего только отец не отдаст её в училище?!

– Ну, дорогая, она же ещё совсем крошка! В училище ей идти не раньше, чем через четыре года...

– Через четыре года, шер, – вновь поджала губы Одиллия Карловна, – Мишель будет исполнять фуэтэ на пуантах! Попомни! – Одиллия воздела к небесам крючковатый указатель-

ный палец. – И если этого не произойдет, то я отказываюсь от своего памятника в бронзе за осанку Кульковой!

Тут дверь в подъезд открылась, и из неё выпорхнула маленькая Мишель, дочь многодетного семейства Белкиных, проживавших на втором этаже. У Мишель было ещё четверо братьев и сестёр, составлявших одновременно умиление и головную боль всех соседей. Дети Белкиных были милы, дружны и приветливы со всеми, но в то же время их проделки регулярно сотрясали дом. Шкодили Белкины тихо и слаженно, как спецназовцы, своих не сдавали, и, как могли, заметали следы. Тихий алкоголик дядя Володя с десятого этажа называл их не иначе, как «исчадья ада», и, на всякий случай, старался не показываться им на глаза. Как-то раз дети устроили ему «белочку»: раздобыли в дворницкой стремянку и переклеили немногочисленную и нехитрую дядиволодину мебель на потолок прямо над спящим под воздействием настойки боярышника хозяином квартиры. После того, как дядя Володя пробудился и испытал всю полноту оптической иллюзии, он на полгода «завязал», устроился охранником в супермаркет, дёргал глазом и заикался.

– Бонжур, Одиллия Карловна! Бонжур, Одетта Карловна! – Мишель сделала реверанс.

– Бонжур, мон анж! – хором ответили старушки, – куда ты идёшь?

– Мама послала меня за молоком.

– Как я учила тебя держать головку, моя дорогая? – строго напомнила Одиллия.

Мишель задрала носик и зашагала в направлении гастронома.

Следом за Мишель на улицу вышла Кристина. И только девочка успела поздороваться с сёстрами, как на третьем этаже распахнулось окно:

– И ни с кем не разговаривай! И нигде не останавливайся! И позвони мне из магазина!

– Тётя Соня, я уже не маленькая, мне девять лет! Вон Мишке восемь только исполнилось, а она уже давно сама ходит в магазин!

– Ой, Мишенька, ты тоже идёшь? – тётя Соня увидела Мишель. – Ой, как хорошо! Вы идите тогда вместе! Но мне из магазина позвони, Кристина, ты слышишь?

– Не волнуйтесь, тётьсонь! – крикнула Мишель. – Серый волк уже съел сегодня одну Красную Шапочку, думаю, он больше не захочет! Мы скоро придём!

Кристина, смеясь, догнала подругу.

– Привет, Мишка!

– Привет, Крис!

– Какие новости?

– Да, собственно, ничего нового, – пожала плечами Мишель. – Мама готовит обед на триста персон, папа пишет сценарий, Марик пилит скрипку, Майка разобрала велосипед и рассовала по углам, Матвей нашёл его и собрал обратно.

Кристина расхохоталась:

– А Яшка?

– А что Яшка? – улыбнулась Мишель, – повелевает, как обычно.

Маленький одиннадцатимесячный Яшка был, без преувеличения, кумиром семейства Белкиных и всей округи. Яшке умилялись, его любили и обожали. И самое главное, Яшку носили на руках. Точнее, Яшку носил папа, так как самый маленький Белкин с рождения напрочь отказался лежать во время бодрствования. Яша Белкин мог спокойно находиться исключительно в вертикальном положении. При попытке уложить младенца поиграть погремушкой в коляске Яша поднимал такой вой, что на противоположной стороне Садового кольца голуби встревоженно срывались с крыш и носились, как угорелые, кругами. Папа ехидно подмечал, что способность так орать его младшенький унаследовал от матери. Мама не осталась в долгу и с первых дней вручила Яшку папе, заявив, что на её руках всё хозяйство и ещё четверо детей, а папины руки всё равно ничего, кроме как держать телефон и непрерывно в него тыкать, не умеют. Так папа стал носить неспящего Яшку в одной руке, а другой – продолжал держать телефон и «тыкать» в электронные заметки сценарии для телесериалов, чем и кормил свое многодетное семейство. Яшка сначала висел, а потом и сидел спокойно, вдумчиво и снисходительно взирая на окружающий мир.

Однажды, почти полгода назад, тихий алкоголик дядя Володя, изрядно «заправив бак» прямо с утра, собрался было прогуляться до магазина. Однако, выйдя из квартиры, дядя Володя запнулся о леску, к концу которой был привязан колокольчик. Колокольчик зазвонил, чем разбудил морскую свинку Майи. Свинка с перепугу забегала, закрутив колесо, на котором была намотана лента от балеток Мишель. Лента натянулась и оборвалась, обрушив на голову несчастного дяди Володи 18-дюймовый воздушный шарик, наполненный ледяной водой. Улики были явными и неопровержимыми: лента от балеток, перепуганный морской свин, воздушный шарик, с которым только вчера бегал по двору радостный Матвей, и вдобавок – грозная надпись маркером на листе, с обратной стороны которого красовался черновик сценария известного костюмированного телесериала «Наполеон в Москве». Надпись гласила:
ПЬЯНТСТВУ – БОЙ!

Дядя Володя взвыл и вмиг превратился из тихого алкоголика в буйного. Он сбежал по лестнице до второго этажа и заколотил всеми конечностями в дверь Белкиных. Дверь открыл папа с Яшей на руках, и дядю Володю озарила ужасная догадка:

– Это он! – завопил дядя Володя, трясущимся пальцем указывая на Яшку. Яшка смотрел на нежданного гостя умным взглядом профессора Калифорнийского университета, получившего грант на исследования в области теории струн, – это всё он!!! Остальные только исполнители, а он всё придумывает! Он ими ПО-ВЕ-ЛЕ-ВА-ЕТ!

– Владимир! – с металлом в голосе сказала, выйдя в коридор, мама Белкиных. – Сейчас же поднимитесь в свою квартиру и оставьте нас в покое, иначе я немедленно вызову бригаду скорой помощи и расскажу им, что вы обвиняете в заговоре полугодовалого младенца!

Дяде Володе ничего не оставалось, как, заикаясь и трясясь, ретироваться к себе, ибо связываться с мамой Белкиных не захотел бы даже Наполеон-в-Москве.

Мама закрыла за дядей Володей дверь и расставила всех по углам: Марка, Мишель, близнецов Матвея и Майю (в один, для экономии углов) и для профилактики Яшку. Поскольку Яшка стоять ещё не умел, он стоял с папой.

С той поры в семье и среди соседей сложилась устойчивая шутка, что Яшка всеми повелевает. Подчиняет всех своей воле телепатическим способом. И вообще, это он прикидывается хорошеньким пухлым ребёночком, а на самом деле воплощает высокоразвитый инопланетный разум.

Болтая о том, о чём девочки вышли из двора на улицу. Путь к гастроному лежал мимо окон библиотеки, находящейся на первом этаже дома. Кристина и Мишель любили разглядывать причудливые кактусы в горшках, в изобилии стоявшие на подоконниках книгохранилища.

– Смотри-смотри, – Мишель тыкала маленьким пальчиком в один из кактусов, – этот похож на голову Микки Мауса.

– Ха-ха-ха, а этот, смотри, – отвечала Кристина, – похож на профиль концертмейстера Гроссмана! Вот нос, а вот подбородок...

– А-ха-ха, и правда! А этот похож на коня!

– Тихо! – Мишель вдруг замерла и приложила палец к губам. – Слышишь? Как будто кошка...

Кристина прислушалась. И действительно, за окном библиотеки слышалось довольно отчётливо:

– Мя-я-я! Мя-я-у! Помогите! Помогите! Капает! Люди-и-и! Помогите кто-нибудь! Топят!

– Мишка! – внезапно Кристину озарила догадка. – Это же опять твою библиотеку топят! А кот услышал и орёт! Сегодня же суббота, в библиотеке нет никого!

– Бежим скорее! – мгновенно среагировала Мишель, схватила Кристину за руку и девочки понеслись обратно в подъезд.

– Мама! Мама! Ма-а-ма! – забарабанила Мишель в дверь. – Мама, скорее, опять библиотеку топим!

Дверь распахнулась. На пороге стояла мама Белкиных с миской в одной руке и венчиком в другой.

– Папа! – гаркнула мама, и на другой стороне Садового голуби снова вспорхнули с крыш. – Папа! Сколько раз я тебе говорила поменять этот чёртов кран?!

– Володька поменял его ещё на прошлой неделе, – невозмутимо ответил папа, продолжая держать одной рукой Яшку, а другой тыкать в телефон третью серию второго сезона сериала «Горбольница».

– Тогда почему опять мы заливаем эту библиотеку, будь она неладна?!

– Хмм... – задумался папа. – А где Матвей и Майя?

– Господи! – ахнула мама, бросила венчик и рванула дверь ванной. Навстречу маме, унося венчик, на пол хлынул поток воды.

Вода лилась из переполненной ванны, кран был открыт. В ванне стояла Майя, одетая, в маске и с трубкой для ныряния. Рядом – Матвей в папином халате и очках, со спиртовым градусником и рулеткой. Мама тигрицей ворвалась в ванную, закрыла кран, вытащила пробку из ванны, достала мокрую Майю, отобрала у Матвея спиртовый градусник и нависла над близнецами, как грозовая туча:

– Что это такое?! ДОКОЛЕ?! – строго спросила мама у застигнутых на месте преступления детей, и, не дождавшись ответа,скомандовала: «В угол!»

Оставляя на паркете маленькие мокрые следы, близнецы уныло поплелись отбывать наказание. Мама скинула с сушилки старую простыню и принялась собирать ей воду. Папа и Яшка отправились на кухню.

– Куда?! – возопила мама вслед удаляющемуся мужу. – А воду кто будет собирать?!

– Я не могу, – невозмутимо ответил папа, – у меня Яшка.

Мама обречённо вздохнула:

– Хотя бы позвони Надежде Алексеевне, пусть проверит, что там с библиотекой.

– Хорошо. Надеюсь, у тебя ещё остался медовый торт, иначе и не представляю, что она мне скажет, когда ей придётся ехать на работу в выходной.

– Зачем они это сделали? – спросила Кристина Мишель, пока девочки плелись за папой в библиотеку.

– Я должна была предвидеть такое, – покачала головой Миша, – вчера перед сном они сговаривались проверять закон Архимеда.

– Откуда они знают про закон Архимеда? – изумилась Кристина, – им же пять лет!

– Мультик, наверное, смотрели. А вообще не удивлюсь, если прочитали где-то... Зря Марк их читать и писать научил, хотел, чтобы перестали его доставать. Теперь библиотека нас засудит.

– А градусник-то зачем?

– Да кто ж их знает! Может, у Майки свои соображения по поводу закона Архимеда.

– Антон Владимирович! Ну, сколько же можно? – выговаривала Надежда Алексеевна, директор библиотеки, папе. – Нет, я всё понимаю, работа, дети... Но ведь это книги! Творческое наследие русских писателей! Хорошо ещё, что мы kota пустили, от мышей спасу нет.

– Ко – тя! – с расстановкой произнес Яшка и посмотрел на Надежду Алексеевну, как на учёного коллегу на симпозиуме.

– Ой, Яшенька, ох ты, ангел мой! – растаяла Надежда Алексеевна, – котика, котика пустили мы! Котик все книжечки наши спас! Только немножко накапало...

Папа тут же воспользовался ситуацией:

– Вы уж простите нас, Надежда Алексеевна! Вы понимаете, дети... а я совсем не могу за ними уследить, у меня сроки, у меня сроки горят, продюсер поедом ест... А знаете, что? – папа озарился притворной догадкой, – раз уж Вы приехали, не подниметесь ли к нам на чай? Жена как раз испекла медовый торт, Ваш любимый!

Пока папа и Яшка охмурили Надежду Алексеевну, Мишель неотрывно гладила большого серого в полоску беспородного kota, важно восседавшего на столе в зале библиотеки.

– Какой милый, какой хороший котик! – приговаривала Мишель, – как жаль, что нельзя взять его домой! Мама сказала, что Майкин морской свин – это последняя капля.

– Мр-р-р, мр-р-р, – отвечал кот, подставляя уши под ласковую руку девочки, – чр-р-резвычайно пр-р-риятно познакомиться.

– Как вас зовут? – вежливо спросила kota Кристина.

– Мр-р-р Максимилиан, – важно представился кот, – для друзей просто Макс. Учёный кот, доктор библиотечных наук.

– Очень приятно. А меня зовут Кристина, а это моя подруга Мишель.

– Ты что, разговариваешь с котиком? – удивилась Мишель, – лично я слышу только «мыр-мыр»...

– Да, я могу понимать его. Только папа сказал никому не говорить, так что это секрет, ладно?

– Хмм, и что же он сказал? – недоверчиво покосилась на подругу Мишель.

– Сказал, что его зовут Максимилиан, а для друзей он Макс.

– Надежда Алексеевна! – крикнула Мишель в сторону кабинета директора библиотеки, – а как Вашего котика зовут?

– Я назвала его Максимилиан. У него любимое место – на стихах Волошина, постоянно там спит.

– Мондью! – смешно изобразила Одиллию Карловну Мишель. – Я в шоке! Как ты это делаешь?

– Не знаю, – пожалала плечами Кристина, – просто понимаю его и всё.

– Максимилиан, ах, Максимилиан! – почесала Мишель за ушком коту, – и почему тебя нельзя взять к нам домой?

Глава третья, в которой Кристина узнаёт тайну

– А ну, отдай немедленно! Прекрати! – кричал Боря, бегая между партами за Алёнкой Бякиной – главной задирой класса. Бякина трясла Бориной тетрадь по математике, из тетради сыпались криво исписанные листочки. Кулькова и Курицына, составлявшие свиту Бякиной, хватали листочки и, громко хохоча, декламировали вслух написанные на них Борины поэтические экзерсисы:

– Бедная амёба: у неё нет нёба, – орала Курицына, – а у эукариот не наличествует рот!

– А-ха-ха! – гоготала Кулькова, – а наш Борька – идиот!

– О! А вот это интересно! – круглое личико Курицыной приобрело пакостливое выражение. – «Твои глаза, как озеро лесное...» Слышь, Алён! Борька признается в любви циклопу!

Боря пошёл багровыми пятнами и прошипел бледными трясущимися губами:

– А ну, отдай! – и рванул к Курицыной.

Против маленькой и пухлой, но шустрой и вёрткой Курицыной у Бори не было шансов. Он был самым высоким мальчиком в классе, слишком рано и быстро пошёл в рост и пока не мог совладать со своими длинными руками и ногами, отчего неуклюже запинаясь.

Однако в тот момент, когда убегающие от Бори Бякина и Курицына оказались у двери в класс, дверь отворилась, и вошла Кристина. Быстро оценив обстановку, Кристина двумя ловкими движениями вырвала из рук замешкавшихся одноклассниц тетрадь и листки со стихами.

– Ну, и что здесь происходит? – нахмурившись, спросила Кристина.

– Бякина опять просила списать математику, – задыхаясь от бесплодной погони, объяснил Боря. – Я не дал. Надоела уже! Вот и забрала тетрадь, растрясла тут всё.

– Ага! – ухмыльнулась Курицына, – достала твои бездарные любовные стишки.

– Ты пишешь стихи? – удивилась Кристина.

– Нет! – сказал Боря.

– Да! – одновременно с ним сказала Бякина. – Абсолютно тупые, как и сам Галушка.

– Ну, если они такие же тупые и бездарные, как человек, у которого Бякина каждый день списывает математику, русский и изложение, то я бы хотела прочитать, – язвительно заметила Кристина.

Боря осторожно взял тетрадь и листки у Кристины из рук, пока она действительно не прочитала.

– Я не поняла, – возвысила голос Бякина, – ты, что это, меня оскорбляешь?

Кристина пожала плечами и улыбнулась:

– Это не я сказала, заметь.

– А знаешь что, Кристина Неглиная? – Алёна поджала губы, – шла бы ты мимо и не лезла бы не в свое дело.

– Это очень даже моё дело, – спокойно ответила Кристина, – Боря мой друг – это раз, мой сосед – это два, сын моей няни – это три. А одна лентяйка регулярно паразитирует на его труде – это четыре. И если уж Боря позволяет у него списывать из жалости к её невысокому интеллекту, то я не собираюсь позволять ей над ним ещё и издеваться.

– Ну, и дрянь же ты, Неглиная! – взревела Бякина, окончательно выведенная из себя. – Настоящая заноза в заднице! Неудивительно, что тебя мать бросила!

– Ты... Ты... – внезапно дыхание у Кристины перехватило так, что больше невозможно было вымолвить ни слова, пол ушёл из-под ног, и в ушах застучали огромные барабаны...

– Поверить не могу, что Кристина так себя повела, – ахала няня Соня, сидя в учительской и капая экстракт валерианы в стакан, который держала классный руководитель Нина Владимировна.

– Сама в шоке, – ответила учительница, капая экстракт валерианы в стакан, который держала няня Соня.

«Ещё немного и эти дамы выпьют на брудершафт», – мрачно думал директор школы Юрий Петрович.

– Действительно, Кристина никогда раньше не вела себя агрессивно, – задумчиво сказал он, – напротив, она склонна проявлять себя совершенно как взрослый человек, примиряя конфликтующие стороны...

– Сама в шоке, – повторила Нина Владимировна.

– Конечно, то, что сказала ей Бякина, выходит за всякие рамки, – продолжал директор, – но драка...

– Сама в шоке, – опять выдохнула Нина Владимировна, залпом осушив стакан с валерьянкой.

– Да с Вами-то всё понятно, Нина Владимировна, – раздражённо оборвал коллегу Юрий Петрович, – что сейчас делать с Кристиной? Она сидит одна в кабинете английского, отказывается разговаривать. Думаю, у девочки сильный стресс. Вот что, Софья Дмитриевна, – обратился он к няне. – Берите-ка свою подопечную и идите с ней домой на пару дней. Четверг, пятница... потом выходные. В понедельник приведете девочку в школу. Если будут проблемы, вот телефон школьного психолога, в любом случае, думаю, вам будет невредно с ним пообщаться. И позвоните отцу Кристины, слышите? Обязательно! Он должен приехать хотя бы на пару дней, у ребёнка явный нервный срыв, ей сейчас нужен близкий человек, родитель.

Няня Соня, слегка осоловевшая от валерьянки, быстро закивала, накинула на плечо сумочку и побежала в кабинет английского.

– А мне ещё выслушивать истерику мамы Бякиной, – со вздохом сказал Юрий Петрович и отвернулся к окну, – просит исключить Крестину из школы... Ну, конечно! Чёрта с два! – разгорячился директор. – Сейчас же исключу будущую золотую медалистку и оставлю Бякину, буду с ней дни и ночи таблицу умножения учить до одиннадцатого класса!

– Сама... – заикнулась Нина Владимировна, но, поймав на себе испепеляющий взгляд начальства, подхватила стопку тетрадей и торопливо вышла из учительской.

Кристина лежала на кровати, уткнувшись в подушку. Рядом сидел Микки и удивлённо смотрел на хозяйку, но гладить его не хотелось. Было тошно. Хотелось отмотать время назад, и чтобы этого утра не было, чтобы ничего этого не произошло. Кристине одновременно было и стыдно за драку с Алёнкой, и казалось, что Бякиной досталось мало. «Бросила! Бросила! Тебя мать бросила!» – пульсировало в голове. С чего Бякина это взяла? Она ведь не могла сама всё придумать. Значит, где-то услышала. Значит, взрослые так говорят. Значит, это правда, мама ушла из-за меня. И все вокруг мне врут, потому что не хотят расстраивать.

Дверь скрипнула и приоткрылась, в комнату тихонько зашла няня.

– Я не хочу разговаривать, тётя Сонь, прости.

– Крестюша...

– Я больше не буду драться. Правда, няня. Больше не буду. И завтра пойду в школу.

– Юрий Петрович сказал, что ты можешь остаться дома до понедельника.

– Неважно. Я пойду завтра.

– Кристина!

– Пожалуйста, тётя Соня, оставь меня в комнате. Я хочу побыть одна.

– Хорошо, зайка, – тихо сказала няня. – Но только я хочу тебе сказать...

– Не надо.

– Я всё равно скажу. Мама никогда не смогла бы тебя бросить, ни за что на свете. Она так любила тебя и папу, всем сердцем! Я не знаю, что случилось четыре года назад, никто не знает. Но мама тебя не бросила. Я знаю твоих родителей со школьной скамьи, они любили друг друга,

и оба хотели, чтобы у них была ты. Это правда. – Няня помолчала, – я приду за тобой через час, будем обедать.

Няня ушла и Кристина села на кровати. Тошнота постепенно отступала. Мама. Где же ты? Почему тебя нет, когда ты мне так нужна? Машинально Кристина взяла с прикроватной тумбочки мамины часики. Девочка давно забрала их себе, хранила, как реликвию, и носила иногда на руке. Воспоминания о матери постепенно стёрлись из памяти, и Кристина уже не могла в деталях вспомнить лицо, одежду, походку. Фотографии, на которых счастливая мама обнимает маленькую дочку, стали будто бы чужими, ненастоящими. Только одно воспоминание осталось по-прежнему ярким: мамина рука в этих самых часиках, просунутая через прутья кровати, тихонько похлопывает и гладит Кристину по спине под тихую колыбельную: «Кисонька-мурысонька, где была? – у бабушки. Что ела? – олябушки. Где достала? – на стульчик стала...»

Девочка надела часики и стала их разглядывать: чудесные золотые стрелочки, красивая окантовка циферблата с какими-то фигурками, маленькие драгоценные камушки на нем, крошечное окошечко с датой, два колёсика для времени и для даты. Кристина погладила стекло циферблата, пальчиком немного повернула колёсико назад.

Дверь скрипнула и приоткрылась, в комнату тихо зашла няня Соня.

– Няня? – удивилась девочка, ожидавшая Софью не раньше, чем через час.

– Крестюша...

– Тётъ Сонь, я же сказала, что хочу побыть одна.

– Хорошо, зайка, – тихо сказала няня. – Но только я хочу тебе сказать...

– Не надо, – как-то автоматически выпалила Кристина.

– Я всё равно скажу. Мама никогда не смогла бы тебя бросить, ни за что на свете. Она так любила тебя и папу, всем сердцем! Я не знаю, что случилось четыре года назад, никто не знает. Но мама тебя не бросила. Я знаю твоих родителей со школьной скамьи, они любили друг друга, и оба хотели, чтобы у них была ты. Это правда, – няня помолчала, – я приду за тобой через час, будем обедать.

– Микки, ты это видел? – обратилась Кристина к коту, забравшемуся к ней на колени и всё это время наводившему там марафет.

– Was? – Микки на секунду перестал вылизываться, – ах, остафь свой клупости, битте! Их бин отшень санят!

– Нет-нет, Микки, подожди! Я повернула стрелки часов и повторилось то, что было минуту назад! Что это? Как это?!

Кристина вскочила с кровати, стряхнув Микки. В голове её роились тысячи мыслей. Как же так? Неужели...

– Какой нефоспитанность! – заворчал Микки.

– Нужно сказать Боре. Нет, нельзя никому говорить, – металась по комнате Кристина, потрясённая своим открытием. – Этого не может быть. Мне показалось!

Кристина вернулась на кровать, вернула Микки на колени и посмотрела на часы. Вздыхнула, зажмурилась и положила пальцы на колёсико. Повернуть, только чуть-чуть.

Дверь отворилась.

– Крестюша...

– Няня, я хочу побыть одна, – будто заученный текст, проговорила девочка.

– Хорошо, зайка. Но только я хочу тебе сказать...

– Не надо, – повторила Кристина в третий раз.

– Я всё равно скажу. Мама никогда не смогла бы тебя бросить, ни за что на свете. Она так любила тебя и папу, всем сердцем! Я не знаю, что случилось четыре года назад, никто не знает. Но мама тебя не бросила. Я знаю твоих родителей со школьной скамьи, они любили друг друга, и оба хотели, чтобы у них была ты. Это правда, – няня помолчала, – я приду за тобой через час, будем обедать.

Дверь за няней закрылась. Кристина сидела на кровати и смотрела перед собой широко раскрытыми глазами.

– Микки, ты понимаешь, что произошло?! Ты вообще понимаешь?! Это же... это же... настоящая машина времени!

– Вирклих? – Микки и ухом не повёл, продолжая вылизываться, – токда путь так добра, ферни меня ф мое детстфо, в Wien, и пусть меня там насофут Харольд или Хайнес, а не этот турацкий кличка тля мышей.

– Значит, – не обращая внимания на кота, продолжала рассуждать Кристина вслух, – я могу вернуться в прошлое, в сегодняшнее утро, и сделать так, чтобы не ссориться с Бякиной. Но тогда Бякина будет издеваться над Борей. Что же, что же мне делать? Нет, я вернусь ещё раньше, и сделаю так, чтобы Боря вообще опоздал в школу. Но как я объясню это тёте Соне? Ведь Боря никогда не опаздывал... Как я объясню Боре? Нужно ему рассказать! Но как такое расскажешь? Нет, нельзя никому говорить!

Кристина схватилась за голову, внезапно её пронзила другая мысль:

– Нет! Я вернусь в прошлое, в тот день, когда пропала мама. И узнаю, что произошло. Но как это сделать? Возможно, надо переставить время и дату на тот день. Но я не помню, когда это было... нужно осторожно узнать у папы. Или у тёти Сони. Боже, Боже мой! Но ведь там, в прошлом, я уже есть. То есть я из сейчас встречу с собой из прошлого... Но я ведь только что отмотала стрелки назад и ни с кем не встретила... Голова лопнет! Нужно это всё как следует обдумать...

Глава четвёртая, в которой Микки читает дневник няни Сони, а сама няня попадает в неприятности

Софья Дмитриевна вернулась домой в смятении. Её квартира находилась на третьем этаже, как и квартира Неглинных, и последние несколько лет эти два дома фактически жили одним хозяйством. С того времени, когда Настя бесследно и таинственно исчезла, а Сергея стали отправлять в длительные заграничные командировки, Софья полностью взяла на себя заботу о Кристине. В отсутствие отца или бабушки девочка возвращалась к себе только ночевать, и то по собственному настоянию. Вся остальная жизнь: завтрак, обед и ужин, уроки и досуг – проходили в двухкомнатной квартире Софьи Дмитриевны в компании Бори, с которым, по счастью, Кристина училась в одном классе и дружила, как говорится, с песочницы. Микки тоже кочевал между двумя домами, получая все удовольствия сразу: валялся на подушке у Кристины, поглощал говядину из рук тёти Сони и доводил до нервного тика Бориного хомяка по кличке Земякис.

Софья Дмитриевна была женщиной чувствительной, впечатлительной, верила в карму, предназначение и гороскоп, и в том, как сложилась судьба, видела особые знаки.

Так же, как Кристина и Боря, Софья и Сергей дружили с детства и учились в одном классе. Когда Соня осталась одна с годовалым Борей на руках без средств к существованию и какой-либо помощи, Сергей предложил ей работать няней на пару часов в день и оплачивал эти часы настолько щедро, насколько мог себе позволить. Потом Настя вышла в интернатуру, и Соня стала нужна на полный день. Работа Софье была по душе, и другой она не искала: педагогическое образование пригодилось для самостоятельных занятий с детьми, и отдать их в сад пришлось только к пяти годам, чтобы привыкли к детскому коллективу до школы. И тут, казалось бы, нужде в Сониных услугах отпасть, но судьба опять внесла свои коррективы: пропала Настя. Софья Дмитриевна, хоть и была огорчена и напугана таинственным исчезновением подруги, хоть и переживала за Сергея и Кристину, увидела в произошедшем и хороший знак: судьба не даёт ей перестать быть частью этой семьи, она по-прежнему нужна.

– Так, суп с фрикадельками, пюре, гуляш, салат порежу, когда Боря придёт, – бормотала Софья, думая, между тем, совсем не о еде, – разогрею через полчаса. Потом позвать Кристюшу, покормить и будем уроки делать. Нужно как-то отвлечь её. Сходим в кино, может быть, или поедим мороженое. И то, и другое! – решила Софья и направилась к старинному секретеру, стоявшему в спальне.

Опустила крышку, достала из кармана ключик, открыла им один из ящичков и вынула толстую синюю тетрадь в довольно потёртой обложке. В минуты беспокойства или тяжких раздумий Софья Дмитриевна имела привычку писать дневник.

«Не знаю, права ли я, – начала Соня с красной строки почерком отличницы начальных классов, – когда говорю Кристюше о Насте. Ведь я не знаю до конца, может быть, она действительно бросила семью. Не знаю, имею ли право. Настя никогда не была со мной откровенна... Кажется, она даже относилась ко мне немного высокомерно. С высоты своей неземной красоты. Может быть, действительно будет легче, если Кристина и Серёжа переживут раз и навсегда потерю, расстанутся с надеждой, что она найдется. Можно было бы начать жизнь с чистого листа. Можно было бы зажить одной семьей, ведь, кажется, у меня все ещё есть чувства к нему...

Господи! Какая же я гадкая! Как я могу? Сама себе противна, лезу в чужую семью, как какая-нибудь... Да он и не посмотрит на меня, как тогда не посмотрел.

Но ведь мы, правда, стали близкими людьми за эти годы.

Ужасно! Как отогнать от себя эти мысли? Забочусь о ребёнке, стараюсь быть ей другом, а сама мечтаю занять место её матери! Как это мерзко!»

В гневе на себя Софья захлопнула тетрадь и выбежала на кухню, так и не убрав её.

В этот момент Микки, просочившийся за няней в дверь в надежде урвать кусочек говядины, прыгнул на крышку секретера и принялся не без интереса изучать записи.

– Хм, – сказал про себя кот, – интересант! Наш толстушка няня питает нежный любофф к наш папа! Мечтает пить его фрау! Интересант!

Микки положил лапу на левую сторону тетради и зашуршал листами, отматывая время назад.

20 августа 1996 года

«Счастливейший день! У Неглинных приехала бабушка, Христина Генриховна. Нам с Серёжей поручили погулять с ней в саду Эрмитаж (ха-ха, кажется, у Амалии Ивановны голова кипит от неуёмной маман). Мы гуляли, болтали, смеялись, бабушка рассказывала о своей молодости. Серёжа недаром шутит, что у неё было только два ухажёра – военно-полковой оркестр и лётное училище. На обратном пути Серёжа купил нам мороженое, было очень приятно. Христина Генриховна успела построить глазки всем велосипедистам, один молодящийся лысый старикан даже увязался за нами до самого дома.

Скоро в школу. Надеюсь, в этом году Серёжа сядет со мной за одну парту. Он на прощание сегодня обнял меня и сказал: «Спасибо тебе, Супер-Соник, ты настоящий вот такенный друг! Без тебя я сегодняшней день не пережил бы!» – и засмеялся. А я вся покраснела, как дура, и скорей убежала к себе...»

1 сентября 1996 года.

«У меня душа разрывается, и не пойму отчего. Снова школа, теперь мы уже старшеклассники. За лето так все выросли, что не узнать. Серёжа сел со мной, я очень довольна. Первой была литература, Татьяна Борисовна задала нам, наконец, Булгакова. Я так давно хотела. Хочу пойти в педагогический, быть такой же, как Татьяна Борисовна. Её все слушают, даже Серёжа, а ведь он не фанат литературы. И она красивая в отличие от меня. Я страшная. И толстая, как бегемот. И зачем я только родилась девочкой? С завтрашнего дня не буду есть. Совсем. Только гречку и воду. Похудею. Но нос у меня дурацкий картошкой, и лицо глупое. Этого не исправишь. Мама говорит, что я у неё красавица, да откуда ей знать, ведь она же моя мама!

У нас в классе новенькая. Очень красивая, и имя красивое – Анастасия Демидова. Все мальчишки рты поразевали, когда она в класс зашла. Глаза у неё огромные, синие-синие, косы пшеничные. И ноги длинные, стройные. И папа у неё – генерал. Его перевели откуда-то с Урала, вроде, из Свердловска. Везёт же некоторым! Не то что мне...

Кажется, Серёжа тоже на неё смотрит. Когда я думаю об этом, то чувствую, что в груди всё сжимается и давит, как камень...»

12 ноября 1999 года.

«Сегодня хоронили маму. Я не плакала, уже нет сил плакать. Это я виновата, что её просмотрела: она так странно вдруг похудела, а я не обращала внимания, пока не начались боли.

Амалия Ивановна и Серёжа все похороны были со мной. Собственно, никого больше и не было, только соседи: Неглинные, Одиллия и Одетта, Белкин пришёл со своей девушкой, врач Отар Гивиевич, Володька был в дупель пьяный, как всегда, принёс какие-то мятые цветы. Спасибо, хоть не говорил ничего. Я хорошо держалась до этого ужасного звука, когда комки земли падают на крышку, и всё! Всё! Уже ничего не вернуть!

Отец не приехал. Дал телеграмму, что денег на поезд нет. Да и пусть! Плевать.

Настя не была на кладбище, но она приготовила всё для поминок у Неглинных и принесла ко мне. Сама испекла пироги и кисель сделала, и ещё какие-то салаты, запеканку. Господи, есть что-то, ну, хоть что-то, что у этого человека не получается? Хоть в чём-то она может оплошать? Я должна быть ей благодарна, она так искренне позаботилась обо всём. Но я только злюсь и завидую. Кажется, с Серёжей у них всё серьёзно. И Амалия Ивановна в ней души не чаёт.

Мамы теперь нет, и я никому больше не нужна. Меня никто, кроме неё, не любил, да и не за что. Я всего лишь некрасивая толстая дура и неумеха, не то что Настя. Всё в ней красиво и правильно, так правильно, что аж тошнит. Она станет врачом и будет спасать жизни больным детям. А я стану училкой. И дети меня будут ненавидеть и издеваться, как и все остальные. А потом умру от рака, говорят, это передается по наследству...»

5 мая 2005 года

«Ну, вот мы и дома. Выписали быстро, на третьи сутки. Говорят, всё хорошо, малыш здоров. Я счастлива! Моя жизнь, наконец, обрела какой-то новый смысл. Вот он, смысл моей жизни, спит и так сопит смешно, как маленький ёжик.

Думала, что Коля нас хотя бы встретит, хоть посмотрит на сына. Но не пришёл. Наверное, его мать всё узнала и не пустила. Она меня ненавидит. Или уехал в командировку. Даже не позвонил. СМС не прислал.

Так мы и вышли с Боренькой из роддома и пошли пешочком домой. А кругом стояли счастливые родственники и встречали своих малышей. Меня немножко кольнуло, но это неважно. Ничего, сынок, мы с тобой и сами проживём. Я сберегла немного денег, проживём. Ну, и папа. Папа тебя увидит и сразу полюбит. Ну, разве можно не полюбить тебя с первого взгляда? Он обязательно поймёт! И будет жить с нами.

Когда открывала дверь, от Неглинных выскочила Настя. «Ты чего, – говорит, – не позвонила нам? Мы бы тебя встретили хоть! Эх, Соня!» А я не знаю, почему не позвонила. Наверное, потому, что не могу сейчас видеть её счастливое лицо. Она ведь тоже скоро родит, уже живот заметный. Но она замужем. И любима. Она, конечно, побежала в магазин и всего сразу накупила: и памперсов, и погремушек каких-то, и витамины для меня... «Мы, – говорит, – с Серёжей от души поздравляем Борю с Днем рождения!» Я попробовала отказать, но она как отрезала: «А не имеешь права отказываться, потому что это не тебе, а Боре. А Боря любит подарки, правда, Боря?» И засмеялась. И мне как-то сразу стало легче на душе. Я её даже обняла...»

«1 июня 2006 года.

Я в отчаянии. Он пришел сегодня, сказал, что в последний раз, бросил деньги на стол. На ребёнка не взглянул даже. Сказал, что его все достали, и я больше всех. Что мать его лишает наследства из-за меня. Чтобы больше я не звонила. И вообще исчезла.

За что мне это? Не хочется ни жить, ни дышать. Как я могла так обмануться в человеке?...»

10 июля 2006 года

«Крестюша – чудесный ребёнок. Они с Борей целых пятнадцать минут катали друг другу мяч и так счастливо смеялись! Надо же, такие маленькие, а уже всё понимают. Потом я вышла с ними во двор, и мы погуляли целый час. Кажется, Серёжа и Настя просто не знали другого способа всучить мне деньги. Зачем им няня? Настя – прекрасная мать и имеет возможность быть дома. Но я счастлива. И благодарна.»

15 сентября 2010 года

«Приходила полиция. Больше часа расспрашивали меня про Неглинных: хорошо ли я их знала, какой была Настя, какие отношения в семье. А что я могла сказать? Что идеальная семья, идеальные отношения, которых у меня, матери-одиночки нет и никогда не будет? Что Настя – примерная мать и жена? Они либо действительно считают, что она просто бросила мужа с ребёнком, либо не хотят заниматься. На Серёжу больно смотреть. Он ничего не ест, несмотря ни на какие уговоры. Ездит по городу в больницы и морги. В некоторых был уже по два раза.

Крестину я забрала к себе с ночевой, Боря хорошо её отвлекает. Тяжело делать весёлое лицо, но надо держаться при ребёнке. К счастью, она ещё достаточно мала и её легко отвлечь. Жду Амалию Ивановну, она должна приехать днями. Страшно. Как же мы будем дальше?»

– Фуй! – вслух сказал Микки, – какие сопли! Наш няня должен приобрести себе нюхательный соль!

Он спрыгнул с секретера и поскакал на кухню клянчить говядину.

– Мама, можно мы пойдём к Кристине сейчас поиграть с Микки? Ненадолго? Ну, пожалуйста! – попросил Боря, когда вечером они втроём возвращались из кино.

– Хорошо, сынок, но только на полчаса, – ответила Софья, – скоро будем ложиться спать.

Она открыла квартиру Неглинных своим ключом, и дети радостно побежали тискать кота.

– Я зайду пожелать тебе спокойной ночи, милая, – сказала няня Кристине.

Когда дверь за детьми закрылась, Софья запустила руку в сумочку, чтобы найти свои ключи. Лампочка в подъезде светила тускло, и няня искала их на ощупь.

– Да где же они? – перебирала содержимое сумочки Соня, – куда запропастились?

Внезапно Софья Дмитриевна почувствовала, как со спины её обдало холодом. И в тот же миг чья-то сильная рука зажала ей рот, а другая схватила за талию. Софья попыталась закричать, но через зажатый рот получалось только мычание.

– Тихо! – сказал ей в ухо скрипучим шёпотом злоумышленник. – Вякнешь – пожалеешь! Где часы?

– М-м-м, – замычала Софья.

– Сейчас я уберу руку, и ты очень тихо скажешь мне, где часы. Попробуешь крикнуть – убью.

– Я не знаю, о чем Вы говорите. Какие часы? – зашептала бледными трясущимися губами Соня. У меня только мои, но они дешёвые совсем, от мамы остались. У меня ещё есть деньги, вот сумка, возьмите всё, только, пожалуйста...

– Заткнись, дура! – оборвал няню скрипучий шёпот. – Часы с золотыми стрелками. Старинные. Найдёшь – отдашь мне. Вызовешь полицию, скажешь хоть кому-нибудь – можешь попрощаться со своими мерзкими детишками. И помни: я за тобой наблюдаю...

С этими словами злодей с силой толкнул няню к стене и, чем-то грохоча, сбежал по лестнице, рванув из подъезда.

Трясаясь, как осиновый лист, Соня наконец нащупала в сумке ключи, открыла, себя не помня, дверь, и повалилась на пол в коридоре, рыдая.

– Господи! – всхлипывала Софья Дмитриевна, – что же это такое? Да что же это такое?

– Тётя Соня, да на тебе лица нет! – сказала Кристина, когда полчаса спустя няня зашла к ней. – Что случилось?

– Ах, не знаю, милая, наверное, давление опять шалит.

– Хочешь, я сделаю тебе чаю со смородиной? – участливо предложила девочка.

– Нет-нет, зайка. Только, знаешь, что? Может быть, переночуешь у нас сегодня? Мне как-то с тобой спокойнее.

– Ну, хорошо, как скажешь. Я только учебники сразу соберу, завтра ведь в школу. И Микки возьмем.

– Но Юрий Петрович...

– Знаю, няня. Но я решила завтра пойти. Извинюсь перед Бякиной, да и дело с концом.

– Кристюша, ты вовсе не должна...

– Знаю, тёть Сонь. Но так проще, – Кристина бросила встревоженный взгляд на Софью. – Няня! Ты такая бледная!

Глава пятая, в которой Одиллия Карловна видит призраки прошлого, а Микки составляет коварный план

Одиллия Карловна в шёлковом японском халате и с папильотками в седых волосах стояла у окна гостиной и курила кальян. Сам кальян находился рядом на маленьком столике и умиротворенно булькал. Окно выходило на улицу, и Одиллия разглядывала вяло движущиеся в пробке автомобили, огни вечерних фонарей, случайных прохожих.

– И когда ты бросишь эту мерзкую привычку? – со вздохом сказала сестре Одетта, войдя в комнату.

– Никогда! – заявила Одиллия с некоторым даже вызовом. – К кальяну меня пристрастил мой Алекс, ему подарили османцы ещё после Крымской войны. Ах, мой милый Алекс! Какой был тонкий, какой прекрасный человек, истинный кавалер! Таких больше нет...

– Твой Алекс давно стал достоянием истории, от него даже праха уже не осталось, а ты всё повторяешь за ним дурные привычки! – перешла в наступление Одетта.

– Увы, шери, не все живут вечно, – меланхолично ответила Одиллия, внезапно потерявшая настроение пикироваться. Она смотрела на город в густых октябрьских сумерках и о чём-то думала.

– Не думай, дорогая, что если ты прожила двести лет, тебя может миновать рак легких.

– Некрасиво напоминать женщине о её возрасте, – кокетливо ответила Одиллия, – к тому же, я существенно моложе, чем ты мне приписываешь... – внезапно старушка поперхнулась дымом и закашлялась. Потом резко прижалась к окну, так же резко отпрянула от него, мгновенно бросила кальян и повернулась к сестре.

– Вот! – назидательно проговорила Одетта. – Я говорила! А теперь посмотри на себя, ты бледнее смерти. Немедленно прекрати курить!

Ошеломленная Одиллия молчала, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела перед собой в одну точку широко раскрытыми глазами.

– Да что с тобой такое? – забеспокоилась уже Одетта, – ты будто призрак увидела.

– Так и есть, – еле выдавила из себя Одиллия, – я увидела призрак.

– Ну, вот! Уже и галлюцинации начались, – заворчала сестра, – что ты там куришь, интересно мне?

Одетта Карловна взяла остоленевшую сестру за руку и усадила на диван.

– Дорогая! – наконец обрела дар речи Одиллия, – дорогая, ты не согласишься, но я только что видела Мальо!

– Этого не может быть, – спокойно сказала Одетта, – старик умер лет сто пятьдесят назад. Он – не мы, сестра, он был обычным человеком. Это было очень давно, и он не мог столько прожить. Просто кто-то похожий на него.

– Нет-нет! Я никогда ни с кем не перепутаю Мальо! Только не его! Я только что видела, как он бежал от нашего дома через улицу. Эту походку не спутаешь ни с чем, ведь у него нет одной ноги ниже колена! И к тому же на нем был ЕГО плащ! Как ты себе представляешь другого человека в такой хламиде посреди Москвы XXI века?!

– Милая, тебе нужно успокоиться, – сказала Одетта, словно больному ребёнку, – давай-ка иди в постель, а я накапаю тебе корвалол и будем спать. А завтра проснемся и выбросим к чёрту этот кальян!

– Это был он! – расплакалась Одиллия, – я точно уверена, это был он. Почему ты мне не веришь?

– Ну-ну, дорогая, ну-ну. Не надо плакать. Пойдём, а месье Максимилиан любезно побудет с тобой, можешь его погладить, а он поурчит, правда, мой друг?

Кот Макс, зашедший в этот вечер к сестрам на чашечку молока, с готовностью встал с кушетки и отправился провожать Одиллию в спальню:

– Бьен сюр, мадемуазель! Ну, разумеется! Кавалер не может оставить даму одну в расстроенных чувствах. Мои уши в полном Вашем распоряжении, можете чесать их, сколько угодно! – а про себя подумал: «Двести лет! Хм... Однако!»

– Папа, правда, всё нормально! – говорила Кристина отцу по скайпу. – Я пойду завтра помирюсь с Алёнкой, и всё будет прекрасно.

– У тебя точно всё хорошо? – папа смотрел в камеру озабоченно, будто пытался высмотреть на лице у дочери какую-то скрытую правду. – Я что-то не помню, чтобы ты когда-нибудь вообще дралась. Хотя я бы этой Бякиной ещё не так накостылял!

– Да ладно, пап! Всё хорошо! Вообще зря няня тебе рассказала!

– Совсем не зря! Соня выглядит очень обеспокоенной, просто сама не своя, – сказал Сергей, – Кристина, дочка, если нужно приехать...

– Папа, пожалуйста, работай спокойно. У тётки Сони просто давление. Нам пора ложиться спать, мы сегодня вместе ночуем. Правда, здорово?

– Здорово, – согласился отец, – когда ты у них, мне намного спокойнее. Потерпи месяц, милая, скоро мы закончим работы в Австралии, и я приеду домой минимум на два месяца.

– Пап, мне нечего терпеть, мне очень хорошо с тёткой Соней и с Борей. Всё, уже поздно! Давай, спокойной ночи! Пока-пока! – Кристина чмокнула несколько раз губами в воздухе, отправляя в далекую Австралию воздушные поцелуи.

– Пока, доченька, – печально сказал папа и отключился.

В квартире Софьи Дмитриевны было две комнаты: поменьше, где располагалась спальня, и побольше, которая должна была быть гостиной. Но, в связи с тем, что в доме Галушек гостей давно не водилось, её отдали Боре. Роль общей комнаты, где смотрели телевизор, обедали и общались, выполняла тесная кухонька. Размер Бориной комнаты сыграл семье на руку, когда маленькая Кристина внезапно осталась без мамы. Со временем Сергей приобрел для этой комнаты кушетку, иногда выполнявшую роль кровати для Кристины.

Боря уже погасил свою лампу для чтения, и в комнате горел только ночник. Было тихо и уютно, тепло под мягким одеялом. Умиротворяюще тикали старые ходики на стене, но девочке никак не спалось. Она долго вертелась, потом повернулась спиной к стене и замерла.

– Борь, – шёпотом позвала Кристина, – Боря, ты спишь?

– Уже почти да... – пробубнил Боря, – и мне уже почти приснилось, что я еду на сегвее по парку Горького.

– Боренька, а ты знаешь что-нибудь про машины времени?

– Ну, я смотрел «Назад в будущее», – Боря открыл глаза. – Все части. «Понедельник начинается в субботу» начал читать. А что?

– Да ничего. Я просто подумала вдруг: что бы ты сделал, если бы, к примеру, у тебя была машина времени? Настоящая!

– Ну, не знаю. Полетел бы в будущее, покатался бы на летающем автомобиле. Посмотрел бы, какие гаджеты изобретут, а потом вернулся бы в настоящее и изобрел их первым.

– И всё?

– Ну, ещё полетел бы в прошлое и сделал бы так, чтобы родители Бякиной переехали, скажем, в Замбию до её рождения.

Кристина захихикала.

– На самом деле, – вдруг стал серьезным Боря, – я бы вернулся в прошлое, в тот день, когда пропала твоя мама, узнал бы, что произошло, и предотвратил бы это. Правда, тогда, скорее всего, вы бы всей семьёй переезжали за дядей Сережей по его командировкам, и мы с тобой не смогли бы так близко дружить, но всё равно. Это первое, что я, пожалуй, сделал бы.

Кристина вскочила с постели:

– Боря! – почти крикнула девочка. И, опомнившись, добавила уже шёпотом. – Боря, я должна тебе всё рассказать!

Микки вообще-то был очень домашним котом, по крайней мере, в своём воображении. На самом деле он, скорее, был сверхъестественно ленив, чтобы выходить из дома, но сам себе и окружающим объяснял своё домоседство аристократическим происхождением и повышенной чистоплотностью.

– Мои претки, да путет тебе известно, – любил говорить он Кристине, – спасали от мишь британский корона! А потом пыли отправлены как дипломатический подарок самим Габсбургам. Мне фюфсе не пристало хотить в этот крязный подъест, а тем полее на улитса!

Но в этот вечер, когда Кристина внезапно собралась ночевать у няни, Микки замешкался в дверях и остался на лестничной клетке. Дверь к Неглинным закрылась снаружи, к Галушкам – изнутри, а зазевавшийся кот так и остался сидеть на площадке.

– О! Какие коты без малейших признаков свиты ходят а нашем подъезде, – иронично заметил Макс, сидевший на подоконнике, – привет, Микки-Мышь!

– Кого я вижу! – решил не остаться с долгу Микки. – Библиотечная крыса!

В этот момент дверь на четвертом этаже открылась, и из неё вышел старый бассет по кличке Марли в сопровождении хозяина – доктора Отара Гивиевича.

– Здрав, Микки Маус! – поприветствовал кота бассет.

– Какой я фам Маус? Меня зофут Микки, к несчастью, Микки и изфольте меня зфать по имени!

Пес приподнял одну бровь, не прекращая неторопливого движения вниз по лестнице:

– Пис, чувак, не парься, – флегматично ответил он.

Отар Гивиевич спустился следом за питомцем и деликатно постучал в дверь тети Соны.

– Милая Софья Дмитриевна! – приятным голосом сказал доктор. – Кажется, вы забыли на площадке кота!

Софья поспешила открыть дверь, Микки, не дожидаясь дополнительного приглашения, пулей влетел внутрь.

– Ой, спасибо Вам, Отар Гивиевич, – сказала няня. – Наш Микки такой медлительный, вот я и не заметила его.

– А домой-то шустро забежал, – засмеялся Отар Гивиевич, – Вы что-то бледны сегодня, Соня. Все в порядке?

– Да, все хорошо. Видимо, давление низковато.

– Ну, чайку со смородиновым листочком примите и не слишком горячий душ. Дети здоровы?

– Да, Слава Богу!

– Ну, вот и славно, – удовлетворенно сказал доктор и зашагал вниз выгуливать пса. – Спокойной ночи, Софья Дмитриевна!

– Спокойной ночи, Отар Гивиевич. Спасибо за заботу!

Залетев в квартиру, Микки не пошел спать к детям, подозревая, что его будут тискать, а направился напрямиком в спальню Софьи, там было великолепное, хоть и довольно старое кресло, в котором кот любил поваляться после очередной порции говядины.

Прыгнув на кресло, Микки начал раздраженно вылизываться. «Нужно не иметь ни ум, ни фантазию! – ворчал про себя он, – чтобы такой гордый зверь, как я, насфать такой турацкий кличка! Чтобы каждый плохастый пес или бездомный кот издевались надо мной! Ах, если можно было вернуть время вспять! К несчастью, мы, коты, так мало можем влиять на сфой

судьба, что сколько ни пофорачивай... стоп! – сказал себе Микки, – стоп! минуточку! Мы не мошем флять на свой судьба, но мошем пофлять на судьба людей...»

От поразившей его мысли Микки даже перестал чистить шерстку:

«Итак, что мы иметь: наш няня ведет сопливый днефник о том, как она любит наш папа. И о том, как ей помешал наш мама его люпить. Если нет наш мама, папа жениться на няня Соня, мама никуда не пропадать! Девочка не плакать, бабушка не дарить котёнка! Никто не запирает меня из Вена и не прифозить сюда. Да, собственно, и дефочка никакой не будет! Какой из этого следует вывод? Нужно вернуться в прошлое и сделать так, чтобы... Папа не любить мама! Помешать!»

Возбуждённый Микки соскочил с кресла и стал ходить вокруг него кругами.

– Микушка, – вздохнула Софья, – ну, что ты не спишь? Ну, давай ложись, кис-кис! Мне тоже не спится... как тут уснешь после такого? Сумасшествие какое-то...

– Глупый фрау! – буркнул в ответ Микки, – неудивительно, что папа предпочел тебе мама! Ну, ничего. Микки пудет тебе помогайт!

«Маяяяу Мя!» – только и услышала няня.

Глава шестая, в которой Кристина и Боря испытывают часы, а Микки попадает в капкан времени

Бякина в ответ на извинения только хмыкнула:

– Дура ты, Неглинная! Отвали!

– С превеликим удовольствием! – с улыбкой сказала Кристина, которой никто на свете не мог омрачить этот день. После вчерашнего разговора с Борей и его обещания обязательно составить план, как найти и вернуть маму, девочка чувствовала себя окрыленной.

– Ну, вот и славненько, – закудахтала Нина Владимировна, – худой мир, он же лучше доброй ссоры, да, девочки?

Начался урок.

– Я очень хочу поскорей пойти домой, – прошептала Кристина Боре, вполуха слушая учительницу, – и придумать, что делать дальше.

– Я тоже, – закивал мальчик.

Микки сидел на кровати у Кристины и смотрел на часы, которые лежали на тумбочке. «Хоть видит око, да зуб неймёт», – вспомнил кот отрывок басни, которую его маленькая хозяйка разучивала во втором классе.

Толстые лапы Микки никак не подходили для того, чтобы повернуть колёсики для времени и даты. К тому же он не понимал, как установить год, ведь на циферблате было окошечко только для дня и месяца.

«Тут нушен маленький рука, нушен пальцы, как у мартышка! – сетовал Микки. – Мои прекрасный толстый лапка никак не потхотит! Что же телать? Где всять маленький лапка? Хм... – вдруг озарило кота. – Кашется, я снаю!»

Микки взял в зубы часы за ремешок и прыгнул в форточку. С форточки спустился на карниз, прошёл по нему и залез в форточку Бориной комнаты.

– Итак, – рассуждал Боря по дороге домой. Дети с трудом дождались, пока закончатся уроки и сейчас шли неторопливо, чтобы успеть до дома поговорить обо всём без опасности быть услышанными. – Мы должны вернуться в тот день. Но есть две проблемы: мы не знаем, какой это тот, так как были маленькими и не помним дату. Если начнём спрашивать у мамы моей или у твоего папы, у них возникнут вопросы, зачем нам это. Это вызовет подозрения. Думаю, не стоит пока говорить взрослым, что у нас есть машина времени, они не поверят... Вторая проблема: предположим, мы узнаем дату. И что мы будем делать? Завалимся к тебе домой попить чаю с твоей мамой и пятилетней тобой? Нас не должен никто видеть, ведь прошло всего четыре года, не слишком-то мы изменились, нас узнают, и это может повлиять на настоящее...

– Не знаю, не знаю... – Кристина нахмурила лоб, – нам нужно найти наблюдательный пункт во дворе. И в подъезде. Хотя бы понять, куда пошла мама. И отправиться за ней. А что насчет даты... Я помню, что было начало осени. Ещё тепло, но листья уже пожелтели. И когда пришли полицейские, няня забрала меня. И мы пошли гулять в резиновых сапожках. Больше ничего не помню. Сентябрь, октябрь? Интересно, машина времени перемещает только во времени или в пространстве тоже?

– Скорее всего, только во времени, – ответил Боря. – То есть перед тем, как её запустить, нужно правильно выбрать место.

– Знаешь, я так хочу увидеть маму! – призналась Кристина. – Хотя бы просто увидеть! И боюсь. Может быть, боюсь узнать правду...

– Даже не думай! – с расстановкой произнес Боря, – твоя мама тебя не бросала. Ни за что! Никогда! И быть этого не может!

– Знаешь, Боря, – Кристина остановилась, взяла друга за руку и посмотрела ему в глаза, – что бы там дальше ни было... Ты – мой самый лучший друг! И самый лучший друг на свете!

Боря пошел пунцовыми пятнами:

– Да, ладно тебе! – смущенно пробубнил он, – ничего особенного...

Кристина судорожно доставала из прикроватной тумбочки вещи и выкладывала их на покрывало: детскую губную помаду, крем, блокнотик, карандаш, пустой флакон от бабушкиных духов...

– Их нет, – в ужасе прошептала девочка, – их нет! Часы пропали!

Кристина обвела взглядом комнату: кровать, тумбочку, письменный стол, книжные полки – и глаза её наполнились слезами. Всё! Только мелькнула надежда снова увидеть маму... и всё! Какая глупость! Куда они могли подеваться?!

Девочка бросилась к письменному столу, стала выдвигать ящики и искать там. Слёзы потекли из глаз по лицу. Ну, где же? Где же?

– Кристи, – позвал Боря. Он ходил к себе оставить портфель и только что зашёл в комнату, – это часы твоей мамы?

Кристина повернула к другу заплаканное лицо и вскрикнула: Боря держал за ремешок часики.

– Почему ты плачешь? – спросил Боря.

– Я испугалась! Думала, что потеряла часы. Где ты их нашёл?

– Это странно, – ответил мальчик, – но я нашёл их у себя в комнате. А где Микки?

– Не знаю, – растерялась Кристина. – Кажется, дома его нет. Может быть, он у вас?

– Нет, – сказал Боря, – я везде посмотрел. И, знаешь, удивительно, но нет Зеmekиса. Клетка открыта, хомяка нигде нет. Часы я нашёл на столе, рядом с клеткой.

– Действительно, странно, – нахмурилась Кристина, – куда же они подевались? А где тётя Соня?

– На кухне, ждет нас обедать. Пойдем. А после обеда поищем Микки и хомяка. Не испарились же они? Возьми часы и положи себе в карман, – сказал Боря, – а то они, похоже, всё-таки перемещаются в пространстве.

– Микки, Микки, кис-кис-кис! – звал Боря. Дети уже три раза сходили вверх и вниз по лестнице. Кота и хомяка нигде не было.

– Может, поищем во дворе? – предложила Кристина.

– Вряд ли Микки пойдет во двор, – возразил Боря. – Он такой брезгуша. Может, он съел Зеmekиса и теперь стыдится показываться мне на глаза?

– Ну, что ты! – успокоила друга Кристина. – Микки, конечно, не ангелочек, но Зеmekиса он точно не стал бы есть.

Дети стояли на четвертом этаже.

– Ладно, – сказал Боря, – пойдем домой. Если к вечеру не объявятся, будем писать объявления и клеить на столбах.

Внезапно мальчик нахмурился и поднялся обратно на несколько ступеней.

– Что там? – спросила Кристина.

– Да нет, показалось, – ответил Боря, – как будто какая-то черная тень промелькнула. Пойдем.

– Mr-p-p... – послышалось снизу. К детям по лестнице поднимался кот Макс. – Не ищите их здесь. Пойдемте в комнату Бориса, я вам всё расскажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.